Всадник без головы

Автор:
Томас Рид

Всадник без головы

Томас Майн Рид

Мир приключений и тайн

Культовое произведение о Диком Западе!

Середина XIX века. Бескрайние прерии штата Техас. Генри, благородный и честный юноша, сын богатого плантатора Вудли Пойндекстера, становится жертвой преступления. Чтобы разгадать чудовищную тайну, нужно развязать сложный узел, в котором сплелись любовь, ревность и коварство.

Томас Майн Рид

Всадник без головы

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

* * *

Настоящий капитан

С 1850 г. в Англии, а затем в США и Европе начали одна за другой появляться книги, подписанные необычным псевдонимом «Капитан Майн Рид». И сказать, что они пользовались популярностью, – значит ничего не сказать. Ими с восторгом зачитывались подростки и взрослые, их передавали из рук в руки, герои этих произведений становились персонажами детских игр, они будили воображение, захватывали, звали к неизведанному. Недаром Дэвид Ливингстон, прославленный исследователь Африки, в последнем письме, отправленном им из джунглей незадолго до гибели, писал: «Читатели книг Майн Рида – это тот материал, из которого получаются путешественники».

Да и сама жизнь этого замечательного писателя похожа на яркий роман с драматическим финалом.

Томас Майн Рид (1818–1883), шотландец по происхождению, родился в Северной Ирландии в семье пресвитерианского пастора. Для своего времени он получил великолепное образование – окончил классическую школу, а затем Королевский университетский колледж в Белфасте. Его привлекали математика, латинский и греческий языки, риторика, но к богословию он остался холоден, к огорчению родителей, мечтавших видеть сына пастором.

Уже тогда в сердце юноши вспыхнула страсть к путешествиям и романтическим приключениям – и в особенности его влекла Америка с ее безбрежными неосвоенными просторами. Однако тайком покидать родительский дом ему не пришлось – родители, поняв, что стремления сына далеки от церковной карьеры, сами купили ему билет на пароход, отправлявшийся через океан, и снабдили деньгами на первое время.

В 1840 г. Майн Рид прибыл в Новый Орлеан – крупнейший город рабовладельческого Юга. Там он быстро оказался без средств к существованию и был вынужден браться за любую работу. К тому же выяснилось, что образование, полученное на родине, здесь не имеет никакого применения. Молодому человеку довелось работать в фирме, занимавшейся перепродажей «живого товара», откуда он вскоре уволился, служить продавцом в лавке, домашним учителем, бродячим актером, участвовать в торговых и охотничьих

экспедициях в глубь прерий.

К 1842–1843 гг. относятся первые литературные опыты Майн Рида – стихи и драматические произведения, не имевшие особого успеха. А осенью 1846 г. он перебрался в Нью-Йорк и начал работать в популярном еженедельнике «Дух времени». Но долго усидеть в редакции так и не смог – как раз в то время началась война между США и Мексикой, и Майн Рид, узнав о формировании отрядов добровольцев, встал в их ряды одним из первых. В марте 1847 г. в составе Первого нью-йоркского волонтерского полка он поднялся на борт корабля, отплывавшего к берегам Южной Мексики.

В ходе боевых действий лейтенант Майн Рид проявил настоящие чудеса храбрости, а в перерывах между боями и походами писал статьи и репортажи, которые публиковались в «Духе времени». Однако 13 сентября 1847 г. в ходе штурма крепости Чапультепек в пригороде Мехико он получил тяжелейшее ранение в бедро, потерял сознание от потери крови и остался на поле боя, заваленный трупами убитых. Майн Рида сочли погибшим, в американских газетах появились некрологи, а семья в Северной Ирландии получила извещение о его смерти.

Но каким-то чудом ему удалось выжить. Покинув госпиталь, он несколько месяцев провел в Мексике, знакомясь со страной и изучая ее природу, а весной 1859 г. вышел в отставку в чине капитана и вернулся в Нью-Йорк, чтобы снова заняться журналистикой. Именно в это время он начал писать свой первый роман, в основу которого легли впечатления от Мексиканской войны.

Однако в Америке найти издателя не удалось – и будущая литературная знаменитость отправилась в Англию. Но не ради публикации книги: в то время в ряде европейских стран вспыхнули освободительные революции, и в США формировались добровольческие отряды для оказания помощи повстанцам в Баварии и Венгрии. Во главе отряда волонтеров Томас Майн Рид отплыл в Европу, но, увы, опоздал – революция к тому времени была подавлена. Распродав оружие, он отправил своих единомышленников в США, а сам остался в Англии.

В Лондоне его ждала не только литературная слава, но и счастье всей его жизни. Тридцатилетний Майн Рид с первого взгляда влюбился в тринадцатилетнюю девочку из аристократической семьи – Элизабет Хайд. Спустя два года, преодолев отчаянное сопротивление родни Элизабет, он

женился на возлюбленной, которая стала его верной спутницей, а затем и хранительницей литературного наследия писателя.

Успех первого романа Майн Рида – «Вольные стрелки» (1850) привлек к нему внимание издателей, и начиная с 1851 г. на прилавках книжных магазинов начали регулярно появляться его повести для детей, героями которых стали подростки, оказавшиеся в экстремальной ситуации. Первой вышла повесть «Жилище в пустыне», затем дилогия «Мальчики-охотники, или Приключения в поисках белого бизона», за которыми последовали еще два десятка увлекательнейших повествований, полных невероятных приключений.

Одновременно писатель работал и над «взрослыми» книгами. После «Вольных стрелков» вышел роман «Охотники за скальпами», который стал настоящим бестселлером – с момента его первого издания только в Великобритании было продано более миллиона экземпляров книги. Шумным успехом пользовались также романы «Белый вождь», «Квартеронка», «Оцеола»; но вершиной творчества Майн Рида, его шедевром, несомненно, стал роман «Всадник без головы».

Было бы удивительно, если бы в жизни этого необычного человека все складывалось гладко. Получая значительные гонорары, в 1866 г. он затеял вблизи Лондона строительство огромной асиенды (имения) в мексиканском стиле и в результате оказался по уши в долгах. От полного разорения писателя спасла публикация «Всадника без головы», однако это не остановило неугомонного отставного капитана – он основал собственную газету, которая прогорела, не просуществовав и полугода.

После этих неудач Майн Рид решил снова отправиться в Америку: там он надеялся поправить свое финансовое положение. В Нью-Йорке он опубликовал целый ряд коротких романов по заказу издательства «Бидл энд Адамс», которые возродили его писательскую славу. А тем временем в Европе – во Франции, Германии и России – стали одна за другой появляться литературные подделки, которые безвестные ремесленники публиковали под знаменитым псевдонимом «Капитан Майн Рид».

В 1869 г. писатель основал приключенческий журнал для американских подростков, но его издание вскоре пришлось прекратить: в феврале 1870 г. снова открылась рана, полученная на Мексиканской войне. Врачи сочли состояние Майн Рида безнадежным, но капитан выиграл и эту битву со смертью.

Спустя четыре года все повторилось, началось заражение крови, и больше полугода потребовалось писателю, чтобы встать на ноги. Однако до конца жизни он оставался инвалидом и не мог передвигаться без помощи костылей, постоянно превозмогая мучительную боль.

Вместе с семьей он вернулся в Англию и поселился на ферме, продолжая время от времени заниматься литературным трудом. Именно тогда им были написаны романы «Капитан стрелков», «Королева озер» и «Гвен Уинн».

В начале октября 1883 г. рана снова дала о себе знать, и Майн Рид окончательно лишился возможности передвигаться. А спустя несколько недель его не стало.

Но капитан Майн Рид и в этот раз умудрился обвести смерть вокруг пальца: еще в течение шести лет после его кончины продолжали выходить в свет новые произведения писателя, которые он не успел опубликовать при жизни.

Глава 1

Над дикой бескрайней прерией, что раскинулась южнее старинного испанского городка Сан-Антонио-де-Бехар, – безоблачное лазурное небо и слепящее полуденное солнце. По выжженной равнине Техаса в сторону поселений на реке Леона тянутся фургоны; их десять, и над каждым – полукруглый парусиновый навес. Вокруг – ни признаков человеческого жилья, ни летящей птицы, ни бегущего зверя. Все живое в этот знойный час замирает и ищет тени. Фургоны, запряженные сильными мулами, нагружены съестными припасами, дорогой мебелью, черными рабынями и их детьми; чернокожие слуги идут рядом по обочине, кое-кто устало плетется позади, едва переступая израненными босыми

ногами. Цепочку фургонов возглавляет легкий экипаж; на его козлах негр-кучер в ливрее изнывает от жары. С первого взгляда ясно, что это не бедный переселенец-северянин ищет счастья на новых землях, а богатый южанин, купивший обширную усадьбу и плантацию, направляется в свои владения с семьей, имуществом и рабами…

Караван возглавлял сам плантатор Вудли Пойндекстер – рослый, поджарый господин лет пятидесяти с горделивой осанкой и суровым, болезненно-желтым лицом. Одет он был дорого, но просто: на нем прекрасно сидели сюртук свободного покроя, шелковый жилет и нанковые панталоны. В вырезе жилета виднелась расстегнутая пуговица батистовой сорочки, перехваченной у ворота черной лентой. На ногах – башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей шляпы на лицо хозяина падала тень.

Рядом с плантатором ехали два всадника. По правую руку – сын, двадцатилетний юноша в белой панаме и легком костюме бледно-голубого цвета. Его открытое лицо было полно жизни, в отличие от старшего на семь лет двоюродного брата, отставного офицера-волонтера. Затянутый в суконную военную форму, он мрачно покачивался в седле слева от плантатора. Эту троицу на почтительном расстоянии сопровождал еще один всадник, в одежде победнее, – Джон Сансом, надсмотрщик над рабами, а заодно и проводник. Его рука крепко сжимала рукоять плети, а смуглое лицо с резкими чертами сохраняло выражение замкнутости и настороженности. В экипаже, достаточно вместительном и приспособленном для длительного путешествия, находились две молоденькие девушки. Одна, с ослепительно-белой кожей, была единственной дочерью Вудли Пойндекстера; вторая, чернокожая, – ее служанкой. Караван начал свой путь на берегах Миссисипи, в Луизиане.

Вудли Пойндекстер был потомком французских эмигрантов; еще совсем недавно он владел огромными плантациями сахарного тростника и слыл одним из самых богатых и гостеприимных аристократов американского Юга. Но расточительность довела его до разорения, и Пойндекстеру, к этому времени овдовевшему, пришлось покинуть обжитые места и отправиться вместе с семьей на юго-запад Техаса.

Караван продвигался медленно, словно ощупью, – на равнине не было наезженной дороги: лишь одинокие следы колес да примятая сухая трава. Путников мучили палящий зной и висящая над прерией гнетущая тишина. Но хоть мулы и тащились черепашьим шагом, миля за милей оставались позади, и южанин рассчитывал, что к ночи они будут на месте.

Однако не прошло и нескольких минут, как движение каравана остановил Джон Сансом. Он неожиданно погнал коня вперед, затем резко повернул и поскакал обратно к каравану, словно обнаружив препятствие. Плантатор решил было, что надсмотрщик заметил в отдалении индейцев, отряды которых, как говорили, нет-нет да и появляются в этих местах, и спросил всадника:

– Что случилось?

– Трава… В прерии был пожар.

– Но ведь запаха дыма нет. В чем же дело?

– Горело на днях, не сейчас, – всадник исподлобья взглянул на хозяина, – там вся земля черная.

– Ну и что? Горелая трава нам не помеха…

– Незачем поднимать шум из-за пустяков, – нахмурился племянник плантатора, отирая пот со лба.

– Но как же мы теперь отыщем дорогу, капитан Колхаун? – возразил проводник. – Старой колеи больше не видно, один пепел. Боюсь, мы собьемся с пути.

– Пустяки! Нужно просто пересечь выжженный участок и найти следы на той стороне. Вперед! – выкрикнул Колхаун.

Джон Сансом, хмуро покосившись на капитана, поскакал выполнять приказ. Будучи уроженцем восточных штатов, он, тем не менее, превосходно знал прерию и жизнь на пограничье. Караван тронулся, но, подойдя к границе выжженной травы, будто споткнулся. Нигде ни следа, ни колеи, ни единого

уцелевшего растения – все превратилось в пепел. Черная равнина тянулась до самого горизонта.

– Джон прав, – озабоченно проговорил плантатор. – Что будем делать, Кассий?

– Продолжать путь, – капитан бросил взгляд в сторону экипажа, в окно которого выглядывало встревоженное нежное лицо его кузины. – Дядя! Река должна быть по ту сторону пожарища. Переправа найдется… Не возвращаться же нам назад. Положитесь на меня!

– Ладно. – Пойндекстер кивнул, соглашаясь, и дал знак погонщикам фургонов продолжать движение. – Надеюсь, мы не заблудимся…

Пройдя еще около мили, караван снова остановился, однако теперь приказ об остановке отдал сам Колхаун. Кое-что в окружающем ландшафте изменилось, но не к лучшему. По-прежнему равнина оставалась гладкой, как доска, и черной, лишь кое-где виднелись цепочки холмов, а в низинах – голые остовы деревьев и кустов акации, стоявшие в одиночку и группами. Было решено двигаться через ближайшую низину, огибая сгоревшие в пожаре рощицы. Капитана покинула его самоуверенность, он все чаще оглядывался назад, пока наконец на его хмуром лице не появилась довольная ухмылка, – пожарище внезапно закончилось, и головной экипаж снова выкатился на наезженную дорогу.

Всадники сразу заметили следы колес и конских копыт – совсем свежие, будто час назад здесь прошел такой же караван. Он, должно быть, также двигался к берегам Леоны; возможно, это был правительственный обоз, направлявшийся в форт Индж. Оставалось лишь идти по его следам, что и было сделано, – форт находился неподалеку от новой усадьбы Вудли Пойндекстера.

Обоз прошел еще около мили по дороге – и Кассию Колхауну пришлось с досадой признать, что следы сорока четырех колес, по которым двигался караван, оставлены одним экипажем и десятью фургонами, причем теми же самыми, что сейчас плелись позади него и вместе с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.

Теперь не оставалось никаких сомнений – караван Вудли Пойндекстера описал широкий круг, двигаясь по следам собственного обоза.

Глава 2

Сделав это открытие, капитан Кассий Колхаун натянул поводья, сдерживая коня, и разразился бранью. Он узнал и местность, и следы босых ног чернокожих рабов, и даже отпечаток треснувшей подковы собственной лошади. И в этом ему, хоть и с большой неохотой, но пришлось признаться плантатору. Досада от того, что они напрасно проделали путь в целых две мили, не шла ни в какое сравнение с его ущемленным самолюбием: взяв на себя роль проводника, он опозорился как мальчишка, тем более что накануне сам же поссорился с опытным проводником, нанятым его дядей в Индианоле, и уволил его.

Караван опять остановился; Вудли Пойндекстер больше не задавал вопросов, поняв, что до наступления темноты, как он рассчитывал, прибыть на место не удастся. И не было бы в том особой беды, если бы не широкая полоса выжженной прерии. Теперь у них масса хлопот: воды, чтобы напоить лошадей и мулов, у них в обрез, кормить животных нечем, предстоит ночь под открытым небом в глухой местности, но главное – они остались без опытного проводника, ориентирующегося в каждой тропке. На племянника, зная его упрямый и вспыльчивый нрав, плантатор не сердился, однако то, что они потеряли дорогу, подействовало на него угнетающе. Почувствовав неуверенность в поведении Кассия, он отвернулся и поглядел на небо.

Солнце, все еще палящее, понемногу склонялось к западу. Южанин заметил черных грифов, которые уже кружили в вышине над ними, а несколько птиц спустились так низко, что ему стало не по себе. Он хотел было посоветоваться с сыном, что делать дальше, как до его ушей донеслись радостные крики негров: к каравану галопом приближался всадник.

Это была поистине приятная неожиданность!

– Он мчится в нашу сторону, я не ошибаюсь? – воскликнул Вудли Пойндекстер.

– Верно, отец. – Генри принялся размахивать панамой, подняв ее высоко над головой, чтобы привлечь внимание незнакомца.

Однако это не требовалось: всадник и без того заметил караван. Вскоре он приблизился настолько, что его можно было рассмотреть получше.

– Мексиканец, судя по одежде, – пробормотал Генри.

– Тем лучше, наверняка знает дорогу, – вполголоса отозвался плантатор и слегка приподнял шляпу, приветствуя всадника, который осадил своего разгоряченного коня прямо перед ними.

– Добрый день, кабальеро! – проговорил по-испански капитан. – Вы мексиканец?

– Нет, сеньоры, – незнакомец сдержанно улыбнулся и тут же перешел на английский. – Мы лучше поймем друг друга на вашем родном языке. Ведь вы американцы из южных штатов? – всадник кивнул в сторону черных невольников. – И впервые в наших краях, так? И к тому же сбились с дороги. По чистой случайности я заметил ваши следы, когда ехал по прерии, и решил хоть чем-то помочь…

– Сэр, – с некоторой долей высокомерия произнес плантатор, – мы были бы весьма признательны вам за помощь. Мое имя Вудли Пойндекстер. Я купил усадьбу на берегу Леоны, вблизи форта Индж. Мы рассчитывали добраться туда засветло. Как вы считаете, это возможно?

– Посмотрим. – Незнакомец поскакал к ближайшему холму, крикнув на ходу: – Я сейчас вернусь!

Из-за занавесок кареты на всадника заинтересованно смотрели девичьи глаза – в них блестело не только ожидание, но и жгучее любопытство. Молодой человек лет двадцати пяти, стройный и широкоплечий, в живописном костюме мексиканского скотовода, уверенно сидел в седле породистой гнедой лошади, нетерпеливо рывшей копытом землю, пока ее хозяин вглядывался в окрестности. На солнце поблескивал золотой позумент, украшавший его черную шляпу; крепкие ноги были обуты в высокие сапоги из бизоньей шкуры, бедра обтягивали брюки со шнуровкой вместо лампасов, алый шелковый шарф туго стягивал тонкую талию… Едва ли не впервые в жизни сердце Луизы Пойндекстер билось так горячо. Незнакомец был бы польщен, если бы узнал, какие чувства он вызвал в груди юной креолки.

Однако всадник даже не подозревал о ее существовании. Его взгляд лишь скользнул по запыленному экипажу, когда он возвращался к владельцу фургонов.

– Помочь с приметами я вам не смогу, сэр. Вам придется ехать по следам моей лошади, чтобы переправиться через Леону в пяти милях ниже пограничного форта. Я направляюсь к тому же броду… – Незнакомец на секунду задумался. – Однако это не лучший выход. После пожара здесь успели побывать дикие мустанги, которые оставили множество отпечатков копыт… Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, что не смогу сопровождать вас. Я должен срочно прибыть в форт с важной депешей. И все же – моя лошадь подкована, след ее заметно отличается от следов дикарей. Ориентируйтесь по солнцу – оно все время должно быть у вас справа. Миль пять продолжайте двигаться прямо, никуда не сворачивая, там увидите верхушку высокого кипариса. Ствол его на закате виден издалека – он почти пурпурного цвета. Кипарис стоит на самом берегу реки, недалеко от брода…

Всадник оглянулся на карету и перехватил темный, блестящий и полный нежности взгляд молодой девушки, но поспешно отвернулся, словно опасаясь выдать себя ответным восхищенным взглядом и показаться чрезмерно дерзким.

– У меня времени в обрез, поэтому прошу простить за то, что оставляю вас на произвол судьбы, – сказал он плантатору.

– Мы вам сердечно благодарны, солнце поможет нам не сбиться с пути, а…

– Лишь бы погода не подвела, – подумав, заметил всадник. – На севере собираются тучи, но надеюсь, вы все-таки успеете добраться до реки… А, вот что: лучше держитесь следа моего лассо!

Незнакомец снял с седла свернутую в кольца волосяную веревку и, прикрепив один ее конец к кольцу на седле, бросил другой на землю. Затем, вежливо приподняв шляпу, дал шпоры коню и снова понесся по прерии. Его лассо подняло облако черной пыли и оставляло на выжженной земле полосу, похожую на след огромной змеи.

– Удивительный молодой человек! – задумчиво проговорил плантатор. – Он даже не представился.

– Самоуверенный парень, я бы сказал, – буркнул капитан, от которого не укрылся взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты. – Что до его имени, то можно не сомневаться – оно оказалось бы вымышленным. Техас битком набит такими молодчиками с темным прошлым…

– Послушай, Кассий, – возразил молодой Пойндекстер, – ты несправедлив. Он вел себя как истинный джентльмен.

– Генри, ты где-нибудь встречал джентльмена, который рядился бы в мексиканские тряпки? Бьюсь об заклад, что это какой-нибудь проходимец… Ну и Бог с ним; хочу перемолвиться словечком с твоей сестрой.

Во время разговора с капитаном Луиза не сводила глаз с удалявшегося всадника.

– В чем дело, Лу? – прошептал Колхаун, подъехав вплотную к экипажу. – Может, ты хочешь догнать его? Еще не поздно – я уступлю тебе свою лошадь.

В ответ ему прозвучал звонкий смех.

– Этот бродяга так пленил тебя? – не сдавался капитан. – Так знай – это всего лишь ворона в павлиньих перьях…

– Кассий, почему ты так злишься?

– Ты ведешь себя неприлично, Луиза. Я уверен, что это простой курьер из скотоводов, нанятый офицерами форта.

– Ты думаешь? – девушка лукаво покосилась на своего раздраженного родственника. – Я бы не прочь получать любовные записки из рук такого курьера.

– Смотри, чтобы отец тебя не услышал!

– Не учи меня, Кассий, как вести себя! – Луиза мгновенно смахнула с лица шутливую улыбку. – Хоть твой дядюшка и считает тебя верхом совершенства, ты для меня всего лишь капитан Колхаун. Может, только самую каплю – двоюродный брат. Но и в этом случае я не потерплю, чтобы мне читали нотации… Существует только один человек, советоваться с которым я считаю себя обязанной, и только ему я позволила бы меня упрекнуть. Советую тебе впредь воздержаться от подобных нравоучений – ты не мой избранник!

Умолкнув, девушка снова откинулась на подушки экипажа и задернула занавески кареты, давая понять, что больше не нуждается в присутствии кузена.

Крики погонщиков вывели Колхауна из замешательства. Фургоны снова двинулись в путь по черной прерии, цвет которой вполне соответствовал настроению капитана.

Глава 3

О дороге теперь можно было не беспокоиться – отчетливый след лассо тянулся непрерывной полосой и был хорошо виден. Всадник, оставивший его, даже аккуратно огибал препятствия, чтобы каравану было легче идти.

– Молодой человек и это предусмотрел! – с удовлетворением проговорил Вудли Пойндекстер. – Жаль, что мы не успели познакомиться. Надеюсь, мы еще встретимся, если только он служит в форте.

– Я тоже был бы рад с ним подружиться, – с улыбкой заметил Генри.

Оба пребывали в прекрасном настроении – трудный переход по прерии приближался к концу. Это настроение передалось и всем остальным, исключая, пожалуй, Кассия Колхауна. Чернокожие невольники также приободрились. Плантатор не принадлежал к числу жестоких рабовладельцев и, как правило, относился к их нуждам с вниманием. В фургонах зазвучали оживленные голоса – все с нетерпением ожидали конца пути.

Однако всеобщее благодушие длилось недолго – как и предсказывал незнакомец, солнце скрылось раньше, чем караван достиг реки. Тучи, постепенно заволакивавшие небо, угнетающе подействовали на путников, однако след лассо все еще был хорошо виден.

– Кажется, близятся сумерки, – плантатор вынул из кармана жилета золотые часы и взглянул на циферблат, – а между тем всего лишь три часа. Какая удача, что этот молодой человек помог нам. Если бы не он, мы до заката проплутали бы по прерии. Пожалуй, пришлось бы и заночевать прямо на пепелище…

– Не стоит обольщаться, – раздался раздраженный голос капитана. – Хорошо, если не случится чего-нибудь и похуже.

– Что ты имеешь в виду, Кассий? – нахмурился хозяин каравана.

– Я надеюсь, дорогой дядюшка, что этот молодчик не обвел нас вокруг пальца. У меня дурные предчувствия. Мы проехали уже больше пяти миль… возможно, даже около шести, а где же пресловутый кипарис, о котором он говорил? Я не могу пожаловаться на зрение, но сколько ни всматриваюсь – вокруг только трава, кустарник, кактусы и прочая здешняя дрянь…

– Зачем же ему нас обманывать? – воскликнул Генри.

– Причин для этого у него могло быть немало.

– Назовите нам, мистер Колхаун, хотя бы одну из них, – раздался насмешливый серебристый голосок из экипажа, который слегка замедлил ход. Луиза с любопытством прислушивалась к разговору мужчин. – Мы просто сгораем от желания услышать твое мнение, Кассий.

– Ну, еще бы: этот мексиканец произвел на тебя впечатление, – огрызнулся Колхаун, – и мои предположения ты, как обычно, сочтешь ложной тревогой.

– Ну так выскажи их поскорее. Ты человек военный, к тому же опытный путешественник, тебе должно быть видней…

Капитан, вероятно, не ответил бы на колкости девушки, если бы не вмешался Пойндекстер:

– Послушай, Кассий, объясни же наконец, в чем дело. Что означают твои намеки? Какие цели мог преследовать этот молодой человек?

– Я ничего не утверждаю, дядя, но…

– Говори прямо!

– Ну… мало ли что может случиться! Грабители в прериях нередко нападают на караваны, убивают путников ради наживы, угоняют скот.

– Какие ужасы! – дурачась, воскликнула Луиза.

– Ты имеешь в виду индейцев? – В отличие от девушки, ее отец был настроен вполне серьезно.

– Бывает, что и индейцы, но гораздо чаще за краснокожих выдают себя и мексиканцы, и белые англосаксы. Размалеванная физиономия, парик из конского хвоста, два-три пера в волосах и побольше наглости – вот и весь маскарад. Если мы наткнемся на банду «белых индейцев» – а такое случалось, это не просто слухи, – то винить нам будет некого, кроме самих себя. Нечего доверяться первому встречному!

– Кассий! Это ведь не просто слова, это серьезное обвинение. Ты хочешь сказать, что этот всадник намеревался заманить нас в западню?

– Я ничего не утверждаю, дядя, – упрямо проговорил капитан. – Однако подобные вещи случались, и это неопровержимый факт.

– Что же нам, несчастным, теперь делать? – язвительно поинтересовалась Луиза, снова выглядывая из экипажа. – Будем поворачивать обратно, а, капитан Колхаун? Или начнем шарить под каждым кустом, как сейчас делает Генри, – нет ли там индейской засады?

Креолка напрасно посмеивалась над братом – юноша, которому были неприятны подозрения кузена, поскакал вперед и теперь, свернув с тропы, возвращался, что-то возбужденно выкрикивая.

– Твои подозрения несправедливы, Кассий! – воскликнул Генри, осаживая коня. – Чистая клевета. И я могу это доказать. Взгляни-ка на это – визитная карточка. Здесь написано: «Отсюда кипарис уже виден».

– Где ты это нашел? – недоверчиво и брезгливо поинтересовался капитан.

– На колючках кактуса. Здесь нарисована рука, указывающая направление. Приглядитесь получше – и сразу заметите дерево. – Генри кивнул на горизонт.

Если бы солнце не скрылось, кипарис можно было бы увидеть с первого взгляда. Но небо, еще недавно густо-синее, теперь стало свинцово-серым, и сколько всадники ни напрягали зрение, ничего похожего на верхушку дерева разглядеть они не сумели.

– Полная чепуха, – заявил Колхаун. – Я убежден, что это всего лишь новая хитрость этого бродяги.

– Возьми бинокль, Кассий, – из экипажа протянулась гибкая девичья рука, – может, сегодня твое превосходное зрение тебя подводит. Я уверена, что дерево как стояло, так и стоит на указанном месте…

Бинокль, однако, взял отец Луизы и, настроив окуляры, отчетливо увидел кипарис, возвышавшийся над равниной.

– Ты права, дочь моя, – произнес Вудли Пойндекстер, – кипарис на месте. Незнакомец оказался честным человеком. Мне не верилось, чтобы он мог сыграть с нами такую злую шутку… Мистер Сансом, – крикнул плантатор, – велите фургонам двигаться прямо за нами!

Кассий Колхаун пришпорил лошадь и поскакал в хвост каравана; ему больше не хотелось оставаться в обществе своих спутников.

– Дай-ка мне взглянуть на то, что ты нашел, Генри, – тихо попросила Луиза.

Юноша охотно отдал сестре визитную карточку и присоединился к отцу.

– Морис Джералд, – прочла девушка, перевернув кусочек картона. – Морис… – повторила она взволнованно, пряча карточку за вырез платья. – Кто бы ты ни был, откуда бы ни явился, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал, с этих пор у нас одна судьба!

Глава 4

Грезы красавицы креолки, однако, вскоре были прерваны. Караван снова остановился, и Луиза очнулась от тревожных возгласов. Она узнала обеспокоенный голос брата:

– Оглянись, отец! Разве ты не видишь? Там, позади фургонов…

– Вижу, но не могу понять, что там такое, – озадаченно произнес Пойндекстер. – Это похоже…

– На смерчи. – Капитан, также заметивший грозное природное явление, вернулся к всадникам во главе каравана. – Никогда не видел ничего подобного…

– Они движутся, – воскликнул Генри. – Смотрите! Будто громадные черные столбы сближаются и снова расходятся.

Всадников охватило скверное предчувствие – и было от чего.

С севера на караван неторопливо надвигалось нечто похожее на фантастическое чудовище о десяти головах. Великан-призрак то наклонялся, то замирал, то вдруг оживал и начинал выплясывать жуткий танец, подчиняясь воле стихии. Оттуда доносился гул, похожий на шум водопада, временами прерываемый треском, похожим на ружейные залпы или отдаленные раскаты грома. Низкие черные с желтизной тучи заволокли все небо. Лошади беспокойно метались и ржали, пронзительно трубили мулы; негры сбились в кучки у повозок. Гул нарастал, становясь все более отчетливым…

Неожиданно со стороны реки раздался громкий тревожный крик. Обернувшись, южане увидели всадника, мчавшегося к ним во весь опор. Это был тот самый незнакомец, по следу лассо которого двигался караван.

Луиза негромко вскрикнула.

– Скорее вперед! – воскликнул всадник, приблизившись к каравану. – Гоните во весь опор…

– Что это такое? – растерянно спросил плантатор. – Мы в большой опасности?

– Да, да. Я вынужден был вернуться. Только у самого брода я заметил явные признаки того, что надвигаются смерчи…

– Сэр, мы никогда не сталкивались ни с чем подобным, – перебил незнакомца Генри.

– Это страшная пылевая буря. Она несет с севера ледяной ветер и массы пыли… и сеет смерть на своем пути… Мистер Пойндекстер, – нетерпеливо и требовательно обратился всадник к плантатору, – вы и все ваши люди в беде. Здешний норд не всегда бывает таким, но этот… Видите те черные смерчи? Это предвестники бури, и сами по себе они не так страшны, но свинцовая туча, которая уже затягивает небо, – вот главная опасность. Необходимо как можно быстрее уйти из-под нее. Не пройдет и четверти часа, как всех нас накроет бушующая стихия… Вперед! Велите погонщикам не жалеть бичей…

Бичи оказались излишними – животные, напуганные приближением тучи, изо всех сил влекли тяжелые фургоны. Всадники по-прежнему ехали впереди. Морис Джералд держался сзади; время от времени он натягивал поводья, оборачиваясь, оглядывал небосклон и хмурился.

– Опасность все еще близка? – наконец спросил южанин.

– Боюсь, что да. Ветер не меняет направления, и смерчи движутся за нами по пятам. Нельзя ли ускорить движение каравана, сэр?

– Не думаю… мулы и без того выбиваются из сил.

– Как бы ураган нас все-таки не накрыл, – задумчиво проговорил всадник, – уж очень велика скорость ветра… Вот что, мистер Пойндекстер, я вижу, нам не уйти. В таких обстоятельствах будет лучше остановиться… Первым делом надо закутать попонами или одеялами головы лошадей и мулов, иначе животные ослепнут от пыли и взбесятся. Для этого годится все – платки, пончо, даже сюртуки. Затем всем вашим людям надо укрыться в фургонах и плотно закрепить края парусины. Все, кто сейчас едет верхом, – в экипаж; о нем я позабочусь сам. Не мешкайте, сэр!

Караван был остановлен, молодой человек поскакал к экипажу, а плантатор и Джон Сансом занялись фургонами. Отдав необходимые распоряжения погонщикам, они присоединились к Морису.

– Мисс, – всадник наклонился к выглянувшей девушке, – пусть ваш кучер забирается в экипаж и остальные мужчины тоже. Надо опустить и плотно задернуть все занавески, проверить запоры дверей. Не тревожьтесь, – мягко добавил он, заметив тревогу в глазах Луизы, – все это продлится недолго… Не теряйте времени, – обернулся он к мужчинам, – скорее в экипаж, места в нем хватит всем.

– А вы, сэр? – воскликнул Генри.

– Обо мне не беспокойтесь… Быстрее же!

Проверив фургоны и упряжных животных, которые дрожали от возбуждения и страха, всадник вернулся к плотно закрытому экипажу, спрыгнул с седла, извлек из чересседельной сумки серапе – плащ для верховой езды, и ловко обмотал его вокруг головы своего коня. Закрепив концы плаща, он набросил свой алый шарф поверх шляпы и обмотал вокруг шеи. В результате лицо Мориса Джералда оказалось как бы под шелковым забралом. Прислонившись к своей лошади, он застыл в ожидании.

Пятью минутами позже прерия погрузилась в кромешную тьму. Первый смерч, натолкнувшись на крайний фургон каравана, рассыпался плотной черной пылью,

похожей на ружейный порох. Но это была всего лишь прелюдия. За ним последовали второй и третий. Караван обдало раскаленным воздухом, словно из устья печи, затем со свистом и воем рванул порывистый ветер, принесший ледяной холод. Вокруг оглушительно выло и трещало, как в аду. Мрак стал непроглядным; ничего не было слышно, кроме глухого рева, от которого мулы ложились на землю и сжимались в комок. В воздух взмыл пепел, поднятый ветром с выжженной прерии, – и еще более получаса в воздухе носились черные вихри.

Наконец рядом с экипажем раздался голос незнакомца.

– Можете выходить, – проговорил он, разматывая шарф. – Буря ушла в сторону Рио-Гранде, но непогода будет длиться еще дня три. Здесь теперь спокойно, а пепел из прерии весь сметен…

– Сэр, – плантатор поспешно спустился по ступенькам экипажа, – мы вам обязаны…

– …Жизнью, не меньше! – подхватил Генри, спрыгивая на землю. – Как ваше имя, сэр?

– Морис Джералд, – ответил молодой человек. – В форте меня обычно зовут Морисом-мустангером.

«Охотник за дикими лошадьми… только и всего…» – презрительно пробормотал Колхаун, оглянувшись на девушку – слышала ли она? Однако ни покрытые пеплом лицо и одежда, ни скромный род занятий не могли уменьшить впечатление о всаднике в глазах Луизы Пойндекстер. Сердце девушки было завоевано раз и навсегда.

– Теперь можно спокойно продолжать путь, – охотник приподнял шляпу и улыбнулся. – Дорогу теперь вы найдете без меня и моего лассо. Кипарис виден, держите прямо на него. Перейдя брод, увидите флаг, развевающийся на флагштоке над фортом. Надеюсь, вы доберетесь туда до наступления темноты… Прощайте!

О, как хотелось юной креолке, чтобы всадник хоть раз взглянул в ее сторону. Однако он, не оборачиваясь, исчез в серой мгле.

Глава 5

Холмистые участки прерии с дубовыми и ореховыми рощами представляют собой удивительно живописные места. Река, называемая тут «Ореховой», принимает в себя сотни речушек и ручейков и, в свою очередь, дает жизнь буйной зелени. Местами лес, растущий по берегам, переходит в густые заросли кустарников акации, агав, всевозможных кактусов; там встречаются даже экзотический сагуаро и древовидная юкка. Все это переливается красками и благоухает, когда наступает пора цветения. Сам лес произрастает на плодородной известково-черноземной почве, и здесь можно видеть все оттенки зелени, которые дают вязы, тутовые деревья, индейское мыльное дерево, кипарисы, тополя… Хрустальная вода отражает сапфировую синеву неба, не замутненную облаками.

Никто в этих местах еще не жил оседло; одни индейцы из племени команчей пробирались по запутанным лесным тропам, и то лишь верхом. Неудивительно, что дикие звери и птицы, бабочки и пчелы, змеи, тарантулы и скорпионы избрали эти девственные места своим пристанищем.

И здесь же, на сочных пастбищах прерии, обитали мустанги – прекрасные, благородные и умные дикие лошади. За ними охотился человек, стремясь укротить мустанга и превратить дикое животное в своего верного помощника и друга. Морис Джералд был одним из тех одержимых мустангеров, для которых неодолимая привязанность к лошадям стала делом жизни…

На берегу Аламо, быстрого и чистого притока реки Рио-де-Нуэсес, стояло одинокое жилище – из тех, каких немало в Техасе. Оно больше походило на хижину и было построено из расщепленных пополам стволов юкки, вбитых в землю, с кровлей из узких листьев этого же гигантского растения. Щели между жердями, в отличие от построек западного Техаса, были не замазаны глиной, а завешены изнутри лошадиными шкурами, закрепленными не гвоздями, а шипами одного из мексиканских видов кактусов. Природного строительного материала на обрывах над рекой и в долинах было вдоволь. Незамысловатый дом, укрытый от посторонних взглядов, прятался в тени деревьев на небольшой поляне у самой реки. Кроме двери, также обтянутой лошадиной шкурой, в нем не было других отверстий, и лишь в кровле виднелась труба небольшого очага,

сложенного из камней у одной из стен.

Навес с тыльной стороны жилища был покрыт теми же листьями, что и крыша. Пространство вокруг навеса окружала невысокая изгородь из жердей, прикрученных растительным волокном к стволам соседних деревьев. Такой же изгородью был обнесен и участок леса, расположенный между домом и отвесным берегом реки. Земля, изрытая множеством копыт и местами плотно утоптанная, предназначалась для корраля – специального загона для мустангов. Сейчас в коррале находился десяток лошадей, недавно пойманных, порывистых, напуганных неожиданной неволей, с дикими глазами.

Убранство хижины было не лишено уюта. Мебель достаточно простая: кровать – обтянутые лошадиной шкурой козлы, два самодельных табурета и грубый стол, сколоченный из горбылей юкки. В углу располагалось что-то вроде второй лежанки. Совершенно неожиданными в этой скромной обстановке выглядели полка с книгами, перо, чернила, почтовая бумага и газеты на столе. Некоторые вещи были словно из другого мира: сундучок, обитый тисненой кожей, дорогое двуствольное ружье, серебряный кубок чеканной работы, охотничий рог и серебряный свисток. Прочее – предметы кухонной утвари, преимущественно жестяные, да большая бутыль в ивовой плетенке с содержимым, надо полагать, более крепким, чем вода из Аламо. Кроме того, здесь находились мексиканское седло с высокой лукой, уздечка с оголовьем из плетеного конского волоса, такие же поводья, пара видавших виды серапе и несколько мотков тонких сыромятных ремней. Это было жилище охотника за мустангами.

Сейчас посреди комнаты вольготно расселся грузный человек, который никак не мог быть хозяином этого дома, и уж тем более мустангером. Лукавое лицо его выражало мнимые покорность и терпение, свойственные всем слугам. На этом толстяке с давно нечесанной копной рыжих волос был странноватый костюм – потертая вельветовая охотничья куртка с большими карманами на груди и плисовые штаны с гетрами. Грубая коленкоровая рубаха с небрежно повязанным на шее красным платком и ирландские башмаки дополняли наряд. Фетровая шляпа с обвисшими полями была небрежно брошена на стол.

О том, что мужчина несомненно ирландец, свидетельствовали не только башмаки, но и его чудовищный выговор. Время от времени он обращался к большой собаке, лежавшей на подстилке у тлеющего очага, уткнув влажный нос в золу. Казалось, животное отлично понимает речи собеседника: полузакрыв глаза, собака глубоко вздыхала и зевала во всю пасть, показывая внушительные

клыки.

– Что, Тара, сокровище мое, – спрашивал толстяк, – хочешь домой? Небось, была бы рада побегать во дворе замка по чистым плитам! И кормили бы тебя там как положено, а то, глянь-ка на себя: кожа да кости… Мне и самому туда ох как охота! Но как знать, когда молодой хозяин надумает вернуться в родные места… Эх! Ну, да ничего: наш господин собирается в поселок, обещает и нас с тобой прихватить. Черт возьми! Скоро три месяца, как я не был среди людей… Уж и повеселимся мы тогда! Верно, Тара?

Собака подняла голову и, казалось, насмешливо фыркнула.

– Самое время промочить горло, – ирландец покосился в сторону бутыли. – Только вот там и осталось-то всего на два пальца… Да и нехорошо это, пить без спросу, как ты считаешь?

Тара отвернула от него морду.

– Осуждаешь? Твое право… – Толстяк поднялся. – Особой беды, думаю, не будет, если я выну пробку из бутыли и малость ее нюхну…

Он воровато приблизился к бутыли, пару раз оглянувшись на дверь и как бы борясь с соблазном, протянул и тут же отдернул пухлую руку.

– Каплю… да ладно… неужто это грех – смочить самый кончик языка? – Послышалось бульканье убывающей жидкости – у ирландца, видно, пересох не только язык, но и вся гортань.

Причмокнув с удовлетворением, он заткнул бутыль, вернул на место и снова уселся на свой табурет.

– Тара! Это ты ввела меня в искушение. Но смотри – не говори хозяину! Все равно в форте он пополнит запас… И что это мистера Мориса так тянет в поселок? Говорит, что отправится туда, как только добудет крапчатого мустанга. Поклялся, что рано или поздно его поймает… Тихо! Кто там?

Собака вскочила с подстилки и с лаем бросилась к двери. Снаружи прозвучал громкий возглас:

– Фелим! Ты куда запропастился?

– А вот и молодой хозяин, – пробормотал ирландец, поспешно поднимаясь, берясь за шляпу и направляясь следом за Тарой к выходу.

Глава 6

Фелим не ошибся: это был голос Мориса Джералда.

Как и ожидалось, мустангер вернулся домой верхом на своем гнедом, но тот сейчас был почти черным от пота, пропитавшего шерсть. Хозяйский конь был не один.

На туго натянутом лассо, прикрученном к седельной луке, он вел за собой пленника. Кожаный ремень, обхватывавший морду и челюсти пойманного мустанга, удерживался еще одним ремнем, переброшенным через голову на шею. Это была дикая лошадь совершенно необычайной, невероятно редкой масти – темно-шоколадной с белыми пятнами, равномерно разбросанными по всей шкуре. Оригинальный окрас мустанга сочетался с безупречным сложением. Он был широкогрудым, с крутыми боками, стройными тонкими ногами и небольшой головой, которая могла бы служить образцом конской красоты. Эта лошадь паслась со своим табуном у истоков Аламо, где Морис трижды безуспешно пытался ее поймать. Лишь на этот раз мустангеру повезло.

Фелим еще ни разу не видел своего хозяина таким довольным – даже когда Морис возвращался с дюжиной только что пойманных лошадей.

– Ура! – взревел толстяк, едва завидев крапчатого мустанга, и подбросил вверх свою шляпу. – Слава святому Патрику, сэр Морис наконец-то поймал крапчатую! Это кобыла, черт меня подери! Ну и лошадка! Не диво, что вы так гонялись за ней. Ей-богу! На ярмарке мы могли бы заломить за нее любую цену, и ее бы у нас все равно с руками оторвали. Куда же мы такую красавицу поставим? В корраль

со всеми?

– Нет, там ее могут залягать. Привяжем лучше под навесом. Гнедой, как гостеприимный хозяин, уступит ей свое место, а сам проведет ночь под открытым небом. Видел ли ты, Фелим, когда-нибудь такую прекрасную лошадь?

– Никогда в жизни! Душка какая, так бы и съел ее! Только у нее такой свирепый вид, что она сама того и гляди кого-нибудь проглотит. Вы ее уже пробовали объезжать?

– Тут нельзя торопиться. Я займусь мустангом, когда отведу его в поселок.

– А ждать долго? – осторожно спросил слуга.

– До завтра. Мы должны выехать на заре, чтобы добраться к вечеру.

Мустангер спрыгнул с седла. Крапчатую кобылу поставили под навес, а коня хозяина привязали к дереву. Фелим остался, чтобы вычистить его по всем правилам. Измотанный до изнеможения, Морис вошел в дом и сразу рухнул в постель. Ни за одним мустангом ему не приходилось гоняться так долго, как за этой кобылицей.

Но, несмотря на страшную усталость и на то, что ему пришлось провести несколько дней подряд в седле, из них три последних – в непрерывной погоне, он все же не мог сомкнуть глаз. Время от времени молодой человек вскакивал и начинал взволнованно расхаживать по хижине. Уже несколько ночей он страдал от бессонницы, ворочаясь с боку на бок, так что не только его слуга Фелим, но даже Тара была встревожена поведением хозяина. Крапчатая кобыла впервые попалась ему на глаза лишь спустя несколько дней после возвращения из пограничного форта, почему она не могла послужить тому причиной. А теперь казалось, что удачная охота, вместо того чтобы успокоить Мориса, произвела обратное действие.

Так, по крайней мере, рассуждал ирландец. Наконец он решился и, подозрительно поглядывая на хозяина, спросил его, что случилось.

– Ничего, Фелим…

– Вы же ни на миг не заснули с того самого дня, как в последний раз вернулись из поселка. Что прогнало ваш сон, хозяин? Неужто какая-нибудь смазливая мексиканочка? Нет, уж этому-то я ни за что не поверю. Потомку древнего и благородного рода Джералдов такое и в голову не придет…

– Не мели глупостей, дружище! – Морис нахмурился. – Тебе всегда что-то мерещится. Дай-ка лучше мне поесть, я голоден.

– За три дня, что вы гонялись за мустангом, сэр, запасы в кладовой сами собой не прибавились, – толстяк приосанился. – Есть только холодная оленина и кукурузные лепешки.

– Давай что найдется, Фелим, мне все равно.

– Может, вы для начала… – слуга кивнул на бутыль.

– Что ж, я не прочь.

– Чистого или с водой?

– Принеси из ручья похолоднее.

Фелим взял серебряный кубок и уже собрался было выйти, как вдруг собака с громким лаем бросилась к двери. Ирландец с некоторой опаской приблизился к выходу. Снаружи донеслось радостное повизгивание Тары.

– Это же старина Зеб Стамп собственной персоной, – прокричал толстяк, прежде чем отправиться к ручью. Он придержал дверь, пропуская в хижину высокого осанистого мужчину, сразу же по-свойски направившегося к столу.

Охотнику было на вид лет пятьдесят; резкие суровые черты его загорелого лица смягчал лукавый огонек, сверкавший в небольших серых глазах, когда он исподлобья поглядывал на лежащего Мориса.

– Здорово! – лаконично приветствовал хозяина гость.

– Здравствуйте, мистер Стамп! – мустангер поднялся навстречу. – Рад вас видеть. Присаживайтесь.

Охотник не заставил себя просить – он неловко устроился на шатком табурете, на котором раньше восседал Фелим и который тут же жалобно затрещал под его весом.

– Черт бы побрал эти табуретки, – заворчал Зеб. – То ли дело бревно в лесу, чувствуешь, по крайней мере, что оно под тобой не развалится…

– Садитесь сюда, – хозяин дома кивнул на кожаный сундучок в углу, – а вещи положите на койку Фелима.

Мужчина снял с плеча охотничью сумку и рог для пороха, бросил на лежанку, однако свое тяжелое ружье, дулом достигавшее ему почти до плеча, поставил в угол, аккуратно прислонив к стене. Порыжевшую и потрепанную войлочную шляпу гость и не подумал снять. Как и не собирался даже расстегивать выцветшую байковую зеленую куртку, опоясанную широким кожаным поясом, на котором из ножен торчала грубая рукоятка здоровенного охотничьего ножа. Мокасин великан не признавал, он был обут в сапоги из дубленой кожи аллигатора, в их широкие голенища были заправлены штаны из домотканой шерсти.

Зеб Стамп родился и вырос в штате Кентукки, свою молодость провел среди девственных лесов нижней Миссисипи, занимаясь исключительно охотой. Теперь, на склоне лет, он продолжал то же занятие, но уже в глуши юго-западного Техаса.

– Пешком, мистер Стамп, как всегда? – хозяин дома с сомнением взглянул, как гость устраивается на сундуке. Все, однако, обошлось благополучно.

– Нет, при мне моя кляча, привязана к дереву. Я не охотился. На своих двоих за один день мне удается подстрелить больше дичи, чем верхом за целую неделю. Мне не так нужна лошадь, как вам. Кобылу я держу только для того, чтобы перевозить на ней добычу.

– Переночуете у нас?

– По правде сказать, намеревался. О моей лошади не беспокойтесь, позже я ее пущу попастись.

– Не хотите ли закусить? – спросил Морис. – К ужину есть оленина…

– Что может быть лучше доброй оленины! – воскликнул охотник и обернулся к вошедшему слуге. – Разве что медвежатина… Только это мясо надо хорошенько прожаривать на горячих угольях. Мистер Фелим, наведайтесь-ка к моей кляче и принесите ту индейку, что привязана к луке седла, я подстрелил ее по пути.

– Отлично, – сказал мустангер, – а то наши запасы на исходе. Я охотился за одним мустангом и не брал с собой ружья…

– Что за мустанг?

– Темно-шоколадная кобыла с белыми пятнами. Прекрасная лошадь!

– Ба! Да ведь это как раз то дело, что и привело меня к вам. После нашей последней встречи я был на Леоне. Туда прибыл один человек, которого я знавал еще на Миссисипи. Это плантатор по имени Вудли Пойндекстер.

– Вот как?

– Тогда он был богат, ох как богат; да и теперь, видно, не беден, так как привел с собой добрую сотню негров. Кроме того, с ним приехал племянник, которого зовут Кассий Колхаун. У него также водятся деньжата, и делать парню с ними нечего, разве что отдать дядюшке взаймы… Теперь о деле. У южанина есть дочка, большая охотница до лошадей. В Луизиане она ездила на самых бешеных, каких только можно найти. А тут я при ней рассказал, что недавно видел в прерии редкостного крапчатого мустанга. Она не давала отцу покоя, пока он не пообещал ей, что не пожалеет денег за такую лошадь… даст двести долларов. Поймайте, мистер Морис, крапчатую – и целая куча монет у вас в кармане! Старик Зеб готов дать голову на отсечение!

– Не выйдете ли со мной на минуту, мистер Стамп? – прервал мустангер охотника.

Несколько удивленный неожиданным предложением, гость последовал за Морисом. Они подошли к загону.

– Как, похожа вон та лошадка на мустанга, которого вы видели, мистер Стамп?

– Провалиться мне на этом месте… Красавица кобыла – и уже в коррале! Повезло тебе, парень… Будь я проклят, ведь она стоит каждого цента из этих денег! Вот будет радость для мисс Пойндекстер!

Благодаря содержимому бутыли, в которой, вопреки опасениям Фелима, нашлось чем подстегнуть аппетит перед жареной индейкой, охотник оживился еще больше. Затем был поднят второй стаканчик – проводить дородную птицу, а там и еще по паре – за трубками. Оживленная беседа за столом не смолкала до глубокой темноты…

Однако застолье угасло задолго до полуночи. С утра мустангер собирался отправиться на Леону, и всем им предстояло рано вставать, так как дел было множество. К тому же мустанги, содержавшиеся в коррале, не были объезжены, и доставить их так, чтобы дикие лошади по пути не разбежались, было делом хлопотным.

Зеб Стамп не пожелал оставаться на ночь в доме; привязав свою кобылу там, где трава была погуще и она могла бы попастись вдоволь, он улегся под открытым небом, закутавшись с головой в старое порыжевшее одеяло. Но прежде чем улечься, охотник внимательно осмотрел освещенную луной траву, а затем аккуратно разложил на земле толстую веревку, окружив место своего ночлега. Он всегда проделывал это, оберегая свой сон от ядовитых змей, часто встречающихся в этих краях…

В хижине воцарился покой, только время от времени было слышно, как ерзает слуга на своей тощей подстилке. Ночную тишину нарушал лишь могучий храп охотника, нечто среднее между ревом аллигатора и кваканьем лягушки; время от времени ему аккомпанировали крики ушастой совы и далекий заунывный вой койота.

– Спасите! – неожиданно истошно заорал ирландец, разбудив не только своего хозяина, но и гостя на лужайке. – Святая Дева! Заступница невинных душ! Погибаю!

– Что случилось, Фелим? – Хозяин дома, вскочив с постели, торопливо зажег свечу.

– Меня что-то укусило… оно ползло… жжет, будто раскаленным железом…

– Будь ты проклят, олух! – сердито распахнул дверь сонный охотник. – Прошу прощенья, мистер Морис, но он так вопил… Теперь уж и вовсе не уснуть…

– Ох, это точно змея…

– Тебе не приснилось? – спросил Стамп, уже успокоившись. – Сейчас поглядим…

– Вот что я говорил! – Фелим задрал рубашку. – Глядите, след змеи на ребрах. О Господи, пришел мой смертный час… а жжет-то, жжет как!

Охотник взял из рук Мориса свечу, шагнул к насмерть перепуганному толстяку и наклонился. – Как же, змея! Ну и дурень…

Морис увидел на груди Фелима ярко-красную полоску, словно проведенную раскаленной спицей.

– Я такого еще не видел, – встревоженно проговорил он. – Это опасно?

– След ядовитой многоножки.

– Боже милосердный! – возопил ирландец, закатывая глаза.

– Да угомонись ты хоть на минуту, – охотник с досадой встряхнул толстяка за плечи. – Перестань выть, не то сюда сбегутся все команчи, сколько их ни есть в этих краях… Неприятная штука, честно скажу. Дело может кончиться жаром и лихорадкой, если… Я скоро вернусь, а вы тут мистера Фелима успокойте, сэр, ну вот хотя бы стаканчиком лекарства из бутыли…

Не прошло и четверти часа, как он наложил на бок слуги повязку, под которой находилась растертая в кашицу мякоть кактуса орегано, сок которого слыл отличным противоядием. Изможденный и притихший ирландец крепко уснул; после безуспешных поисков ядовитой твари охотник и мустангер, обменявшись рукопожатием, разошлись по своим местам досыпать.

Едва рассвело, все трое были на ногах. Толстяк уже оправился и позабыл свои страхи. Наскоро перекусив холодным мясом, каждый занялся своим делом. Фелим и Стамп готовили небольшой караван диких лошадей, связывая мустангов поочередно друг с другом; Морис тем временем возился с крапчатой кобылой: тщательно расчесывал ее гриву и хвост и счищал с блестящей шерсти пятна грязи.

– Да бросьте вы! – сказал охотник, не без удивления наблюдавший за молодым человеком. – Зря стараетесь. Вудли Пойндекстер не из тех, кто отказывается от своего слова.

Морис ничего не ответил, но, судя по улыбке, мелькнувшей на его сосредоточенном лице, можно было догадаться, что охотник не понял причины такого его особенного внимания к крапчатой кобыле.

Не прошло и часа, как мустангер уже двинулся в путь на своем гнедом, ведя за собой на лассо дикую лошадь. Сзади резвой рысью шел табун, за которым присматривал Фелим. Охотник на своей престарелой кобыле с трудом поспевал за ними, а позади, огибая островки колючей травы, трусила Тара.

Покидая жилище, мустангер всего лишь подпер колышком дверь своего опустевшего дома, чтобы туда ненароком не забрались четвероногие обитатели прерии.

Глава 7

На высоком флагштоке пограничного форта Индж развевался полосатый флаг, усеянный звездами. Он высился не над бастионами с зубчатыми стенами, не над казематами, оборонительными рвами или валами – здесь не было ничего,

напоминающего крепость.

Форт представлял собой обычный частокол из стволов рожкового дерева, внутри которого располагалась, прежде всего, конюшня-навес для двухсот лошадей. Дальше – с десяток построек самой незатейливой архитектуры: со сплетенными из прутьев и обмазанными глиной стенами; самым большим зданием была казарма. За ними – госпиталь, интендантские склады, гауптвахта и офицерская столовая. Форт содержался в чистоте и полном порядке.

Неподалеку от него выросло новое поселение, которое также находилось под защитой и покровительством американского флага; оно быстро увеличивалось и готово было в самом ближайшем времени превратиться в небольшой городок. Но сейчас население поселка состояло из офицеров местного гарнизона, маркитанта, на складе которого хранились припасы, не относящиеся к армейскому хозяйству, владельца гостиницы и бара; также из охотников, перегонщиков скота, мустангеров, шайки заезжих карточных шулеров и двух десятков черноглазых сеньорит сомнительной репутации, – одним словом, тех, кто, как правило, околачивается вокруг военных лагерей. Дома были выстроены по единому плану вокруг будущей главной площади, где вместо фонарей и памятника основателю города над вытоптанной травой торчал сухой ствол старого кипариса.

Форт и поселок представляли собой единое целое. И тут, и там мелькали голубые мундиры пехотинцев, синие – драгун и светло-зеленые – конных стрелков. Охотники, пастухи, мустангеры – все подряд в широких штанах, в сапогах с огромными шпорами и в небрежно заломленных набекрень сомбреро – бродили по площади и переговаривались не только с военными, но и с индейцами, которые явились в форт поторговать и чьи конические палатки-типи виднелись невдалеке. Чернокожие грумы офицеров и слуги плантаторов, посланные хозяином в поселок, не спешили покидать местечко, где можно было поболтать с приятелем или просто поглазеть по сторонам. Вся эта пестрая толпа гудела, смеялась, переругивалась и сновала между домами, палатками и фургонами на равнине…

Река Леона у поселка выглядела как полноводный ручей, однако на востоке и юге она становилась шире, полноводнее и текла в окружении изумрудной зелени берегов, очерченных вдали темной полосой густого леса. Именно в этих местах разбросаны усадьбы плантаторов: некоторые из них были выстроены совсем недавно и не претендовали на какой-либо особый стиль; другие, более

затейливой архитектуры, имели солидный возраст, восходивший к временам испанского владычества в этих краях. Асиенда Каса-дель-Корво – одна из таких; белые стены усадьбы, кроме фасада, были с трех сторон окружены деревьями, впрочем, не настолько густыми, чтобы закрывать высокое чистое небо. Дом был просторный – с плоской крышей и зубчатым парапетом, а само поместье тянулось по лесистой долине Леоны больше чем на три мили и уходило к югу в прерию на целых шесть миль. Главное здание асиенды находилось на расстоянии пушечного выстрела от форта Индж.

Усадьба казалась настолько живописной, что невольно притягивала к себе взгляды. И сейчас, спустя неделю после того, как плантатор из Луизианы прибыл в эти края и поселился в новом поместье, именно ее внимательно разглядывала троица офицеров, свободных от дежурств. Все они были молоды, лишь капитан пехоты Слоумен переступил рубеж тридцатилетия, а двое других, пребывавших в чине лейтенантов, – заметно моложе.

– Готовы повеселиться, господа? – капитан кивнул в сторону асиенды. – Владелец поместья пригласил всех офицеров гарнизона на новоселье. Грандиозное событие! Обед, танцы, явятся все местные красавицы…

– Где это вы, капитан, видели здесь красивых изысканных женщин? – хмыкнул лейтенант-драгун.

– Ну, если приглядеться… Взять хотя бы дочь самого плантатора. Племяннице интенданта наверняка придется уступить ей пальму первенства.

– Вот как? – заметил третий собеседник, слегка задетый замечанием капитана. – Неужели мисс Пойндекстер так уж хороша? Должно быть, кокетка…

– Совсем наоборот, уверяю вас. Луиза – барышня гордая, серьезная и не допускает никакой фамильярности. Это родовая черта аристократов Пойндекстеров.

– Значит, в моем вкусе, – шутливо заметил драгун, – и если она так хороша собой, как вы утверждаете, Слоумен, то я наверняка влюблюсь… Мое сердце свободно, не то что у нашего младшего лейтенанта.

– Не спешите с этим, – капитан слегка нахмурился. – Должен предупредить вас, в этой семье есть человек, которому такое может очень не понравиться.

– Неужто братец?

– У Луизы есть брат, но речь не о нем. Это достойный юноша, единственный из Пойндекстеров, которого не одолевает непомерная гордыня.

– Значит, ее папаша-аристократ?.. Нет? Так кто же эта загадочная персона?

– Двоюродный брат девушки, капитан Кассий Колхаун. Крайне неприятный субъект.

– Я, кажется, где-то слышал это имя.

– Не только вы… Его слышал каждый, кто так или иначе был причастен к мексиканской войне, после которой за капитаном Колхауном тянется дурная слава. Во время боевых действий он служил в полку миссисипских волонтеров. Да только видели его чаще за карточным столом, чем в казармах с солдатами. Было у него пару случаев, которые составили ему репутацию задиры и бретера. Но эту репутацию он приобрел еще до мексиканской войны и в Новом Орлеане слыл человеком опасным и непредсказуемым.

– Ну и что? – презрительно заметил драгун. – Мне это, право, безразлично. Ведь мистер Колхаун всего лишь двоюродный брат девушки.

– Мне показалось, что он неравнодушен к Луизе… К тому же он в чести у ее отца. Хотя, между нами будь сказано, дело тут не в родственных узах, а в финансовой зависимости. Вудли Пойндекстер теперь далеко не так богат, как прежде, иначе мы никогда не увидели бы гордого южанина в наших краях. Ходит слух, что и усадьба, и плантация куплены в равных долях дядей и племянником. – Слоумен поморщился. – Сегодня утром я уже видел Кассия в баре гостиницы – он пьянствовал, задирал всех подряд и хвастал, как всегда.

– Смуглолицый, лет тридцати, темные гладко зачесанные волосы и холеные усы, носит синий суконный сюртук полувоенного покроя, у пояса шестизарядный кольт – верно?

– Точный портрет! Кроме того, в кармане сюртука – кривой мексиканский нож.

В это время рожок протрубил сбор к утреннему смотру – важной церемонии, соблюдаемой в форте неукоснительно. Офицеры разошлись – каждый к своей роте, чтобы наскоро взглянуть, все ли в порядке. Комендант форта слыл весьма суровым старым воякой и за дисциплиной в гарнизоне следил неукоснительно.

Глава 8

Местоположение для асиенды Каса-дель-Корво некогда было выбрано исходя из соображений удобства для обороны. В те времена, когда закладывался фундамент изящного здания, набеги индейцев в этих краях были делом обычным. Впрочем, эта опасность и ныне не исчезла окончательно. Фасад дома всеми окнами смотрел на прерию, раскинувшуюся до самого горизонта. Крылья здания охватывали вымощенный каменными плитами внутренний дворик-патио с фонтаном и лестницей, ведущей на плоскую крышу. Стерегли усадьбу массивные деревянные ворота со стороны главного входа с зарешеченными оконцами-бойницами по обе стороны.

В старинном поместье, только что сменившем владельцев, ждали гостей.

Оставалось около часа до званого обеда, который решил дать местному обществу Пойндекстер, когда его дочь позвала служанку Флоринду, чтобы та причесала ее и помогла одеться к приему. За всеми этими хлопотами Луиза казалась задумчивой и рассеянно отвечала на болтовню своей чернокожей наперсницы.

– О мисс, – сладко напевала Флоринда, бережно расчесывая блестящие каштановые пряди, – ну и чудесные же у вас волосы! И густые, точно испанский мох… Если бы у меня были такие вместо моих овечьих завитков, все белые мужчины из форта ползали бы у моих ног!

– Господи, о чем ты толкуешь, Флоринда? – очнулась креолка от грез.

– Разве мисс не понимает?

– Право, нет.

– В меня бы влюблялись офицеры, молодые плантаторы, да все подряд!

– Что за чушь ты городишь? – Луиза рассмеялась.

– Не только ваша головка, но и лицо, и стройная фигура, и ваши глаза… – мечтательно проговорила Флоринда. – Вы себе цены не знаете, а я слышала, как белые джентльмены по вас вздыхают.

– Опять глупости. Не надо мне льстить!

На восторги Флоринды Луиза не обратила ни малейшего внимания, потому что в доказательствах собственной красоты не нуждалась; девушка лишь вздохнула и вновь о чем-то глубоко задумалась. Негритянку это не обескуражило, не так-то просто было заставить ее замолчать.

– Боже правый, госпожа, Флоринда не слепая и не глухая, как вы, может, думаете! Она видит, как ваше сердечко тоскует. В Луизиане с вами никогда такого не случалось.

– Флоринда, мне кажется, ты теряешь рассудок. Или, может, местный климат на тебя плохо действует? – Луиза вздрогнула. – Тосковать мне некогда… Что ты застыла, продолжай, иначе мы никогда не закончим… И запомни: у меня нет ни малейшего желания кого бы то ни было очаровывать…

– Молодая хозяйка говорит правду?

– Флоринда, – взмолилась девушка, – довольно тебе молоть вздор, мы теряем время. У нас сегодня туча гостей… И к тому же, я подозреваю, тебе что-то от меня требуется. Должно быть, ты хочешь, чтобы я помирила тебя с твоим дружком Плутоном?

– Ничего подобного, мисс, – презрительно пожала плечами служанка. – Плутон показал себя настоящим трусом, когда на нас налетела буря в черной прерии! Что бы мы делали, если б не подоспел тот молодой джентльмен на гнедой лошади! А как же он хорош! Вы помните его лицо, полное достоинства? Не

сравнить ни с одним хлыщом из форта… Пусть глупые чернокожие болтают, будто он – просто белый бродяга, – что из того? Ни одна девушка перед таким пригожим кабальеро не устоит…

Спокойствие далось Луизе с трудом: случайно или намеренно, но Флоринда коснулась самой сокровенной тайны своей молодой госпожи. Девушка с облегчением вздохнула, когда в патио раздались голоса, – это был предлог поскорее покончить с туалетом, а заодно и с разговором, который ей не хотелось продолжать.

Наконец креолка отослала служанку, а сама подошла к окну и прислушалась. Внизу кто-то звучно пророкотал:

– Скажи-ка, негр, где твой хозяин?

– Старый или молодой? Оба дома, то есть там, внизу, сэр, – у реки, наблюдают за строительством новой ограды… Должны вот-вот возвратиться, большой праздник в доме – чуете, как пахнет из кухни. Пир будет не хуже тех, что бывали на Миссисипи…

– Ты меня разве не узнаешь? А я вот твою хитрую черную физиономию отлично помню, Плутон.

– Господи! Неужто это вы, масса Стамп? Мне передали, что вы заходили, а я не поверил… Я теперь тут кучером, на мне экипаж и лошади молодой хозяйки. Да вы спешьтесь, кобылку я привяжу да угощу кукурузой…

– Возьми поводья, – услышала Луиза и поспешила на галерею, чтобы приветствовать старого знакомца своего отца.

– Я так и думала, что вы приедете, – звонко проговорила она, облокотившись о перила, – хоть и не ожидала увидеть вас так скоро. Очень вам рада, мистер Стамп. Папа и Генри также с удовольствием с вами увидятся… Эй, Флоринда! – Девушка повернулась к дому и велела выбежавшей на зов служанке: – Ступай к кухарке, пусть приготовит для мистера Стампа завтрак… Стой, прихвати и бутылочку… Вы что предпочитаете, Зеб? Виски? Флоринда, поставь все на поднос, и холодную воду не забудь. Подашь все сюда… Поднимайтесь же ко мне, сэр. Тут есть столик и плетеные кресла… Отец вернется с минуты на минуту…

Охотник не спешил подниматься: с того места, где он стоял, Луиза была особенно хороша – юная, тонкая, в белом легком платье из индийской кисеи, с только что уложенными в высокую прическу блестящими волосами.

– Мисс Луиза, не могу смолчать: вы самое прелестное создание не только на земле, но и на небесах! – воскликнул великан. – Мне случалось на своем веку встречать женщин, которые считались красавицами, и моя жена была собой недурна, когда я впервые встретил ее в Кентукки… Но вы… сущий ангел…

Креолка вспыхнула от удовольствия, однако притворно нахмурилась:

– Идите же к столу, сэр! Флоринда уже все приготовила. Вы, верно, утомились с дороги? Садитесь и ешьте, я скоро вернусь, мне нужно распорядиться по хозяйству, у нас сегодня званый обед…

Когда девушка вернулась на веранду, старый охотник, плотно перекусив, тянул уже третий стаканчик неразбавленного виски.

– Зеб, но ведь виски невозможно так пить – оно обожжет вам горло. Возьмите немного воды или меду.

– Зачем же переводить добро, мисс! Виски – прекрасный напиток и без этих снадобий, особенно после того, как вы на него взглянули… Он как следует промыл мне глотку, и теперь я смогу поговорить с вашим папашей относительно крапчатого мустанга.

– Вы узнали что-то новое об этом мустанге с тех пор, как побывали у нас?

– Не только узнал, но и видел его и даже трогал… Он пойман, мисс!

– Великолепная новость! – Девушка, шурша платьем, легко опустилась в кресло напротив охотника. – У меня давно не было по-настоящему хорошей лошади. Отец обещал мне купить этого мустанга за любую цену. Кто же тот счастливец, которому удалось его добыть?

– Мустангер, кто же еще… Да такой, что и верхом ездит, и с лассо обращается лучше всех в здешней прерии. А еще хвалят мексиканцев! Отродясь я не видел

ни одного мексиканца, который так искусно управлялся бы с лошадьми, как мой молодой приятель…

– У него есть имя?

– Сказать по правде, мисс, фамилии его я не упомню, а звать его Морис. Его все тут так и зовут – Морис-мустангер.

Великан-охотник не был настолько наблюдателен, чтобы заметить, как на щеках девушки вспыхнул румянец, едва она услышала его ответ. Однако это не ускользнуло от внимательного взгляда Флоринды.

– Хозяйка, – воскликнула служанка, – да ведь так же звали того храброго молодого джентльмена, который спас нас от бури!

– Верно! – вмешавшись, охотник избавил девушку от жадного любопытства негритянки. – Вчера сэр Морис поведал нам эту историю… Он-то и поймал крапчатого мустанга и сейчас находится на пути сюда – гонит лошадку и еще примерно дюжину мустангов. Думаю, до сумерек будет здесь. А я поспешил к мистеру Пойндекстеру, чтобы никто не перехватил у него эту красавицу…

– Я вам так благодарна, мистер Стамп! Вы настоящий друг. Флоринда, будь добра, прибери со стола… – Девушка наклонилась к охотнику и понизила голос: – Зеб… ведь вы… вы возьмете на себя труд позаботиться об этом молодом человеке, когда у нас будут гости? Он, вероятно, не знаком ни с кем из них…

– Скажу вам по-дружески: этот парень горд, как и вся ваша семейка… Уж простите меня великодушно за эти слова. Мистера Мориса может оскорбить гостеприимство из вторых рук. Хоть он и простой мустангер, но по воспитанию и поведению – джентльмен. К тому же из какого-то там древнего ирландского рода… Вы понимаете, мисс Луиза, ведь он не из тех людей, которых можно отослать на кухню.

Глаза Луизы Пойндекстер вспыхнули, и она задумчиво выпрямилась:

– Ну, хорошо. Раз так, не беспокойтесь, мистер Стамп. Только дайте мне знать, когда прибудет мистер Морис. Но если это случится во время обеда, он, конечно,

поймет, что никто не сможет выйти к нему, – тогда я попрошу вас его немного задержать. Обещаете?

– Как я могу отказать, если меня просит такая девушка! Но, боюсь, мисс, как бы он не потерял аппетита при виде вас. Про сон я уже не поминаю…

В ответ креолка нежно и лукаво улыбнулась старому охотнику и, извинившись, поспешила в дом, еще раз заверив великана, что отец вот-вот появится.

Как только она вошла в свою комнату, лицо ее снова приняло задумчивое выражение.

«Это судьба…» – прошептала Луиза своему отражению в зеркале.

Глава 9

Приятно проводить вечера на крыше дома – обычай, которого придерживаются все владельцы асиенд. Семья луизианского плантатора не была исключением. Едва на прерию спустились синие сумерки, гости и хозяева, отобедав, собрались не в гостиной, а на крыше, под открытым небом.

Заходящее солнце освещало косыми лучами оживленных гостей, которые прогуливались по мозаичному полу, беседовали или, остановившись у парапета, любовались окрестностями. Общество, собравшееся в Каса-дель-Корво, чтобы поздравить Вудли Пойндекстера с водворением в новое техасское поместье, принадлежало к избранному кругу не только форта, но и более отдаленных мест. Здесь были и старые друзья плантатора, которые, как и он, переселились в эти края; многим из них пришлось проскакать более ста миль верхом, чтобы присутствовать на торжестве.

Хозяин дома не пожалел ни средств, ни трудов, чтобы прием удался. Блестящие мундиры и эполеты приглашенных офицеров, военный оркестр, отменные блюда и прекрасные старые вина, отличная погода… Но главным украшением праздника, несомненно, стала прелестная дочь южанина. Луиза в роли молодой хозяйки блистала: ни одно пожелание гостей не оставалось не исполненным,

никому она не давала заскучать. Каждому она уделила хотя бы минуту внимания, то легко и непринужденно отвечая на комплименты кавалеров, то беседуя с дамами, то ненадолго присаживаясь возле пожилых знакомых брата и отца.

Ее двоюродный брат в этот вечер превратился в тень девушки. Кассия не волновали ни зависть, ни восхищение присутствующих; в блестящей толпе он жадно ловил каждый ее жест и старался разгадать его значение. И только когда гости поднялись на площадку на крыше, которую испанцы и мексиканцы называют асотеей, Колхаун выдал себя. Да и как он мог скрыть тот упорный, испытующий взгляд, каким следил за Луизой, когда та то и дело подходила к парапету и всматривалась вдаль, словно чего-то ища на горизонте. И едва в прерии показался небольшой табун лошадей, сопровождаемый несколькими всадниками, отставной капитан уже не сомневался, что знает, кто возглавляет эту кавалькаду.

– Мустанги! – громко объявил комендант форта, взглянув в бинокль. – Это, верно, Морис-мустангер, он время от времени поставляет нам диких лошадей… Мистер Пойндекстер, – майор обернулся к хозяину дома. – Да ведь этот табун направляется прямо сюда!

– Вполне возможно, – плантатор оживился. – Молодой человек взялся доставить мне с десяток лошадей…

– Конечно, это он! – воскликнул Генри. – Я узнаю Мориса Джералда – он скачет впереди.

Луиза отвернулась, как бы совершенно не интересуясь происходящим, и снова поймала на себе напряженный, полный раздражения взгляд двоюродного брата. Она тотчас подошла к жене коменданта форта, худощавой и несколько экзальтированной даме. Та возбужденно прощебетала:

– А ведь стоило бы спуститься вниз, как вы считаете, мисс Пойндекстер? Поглядим, кого на этот раз изловил этот мустангер… Тем более что они уже въезжают в ворота…

Дама, оставив Луизу, устремилась к лестнице; мужчины поспешили за ней.

– Что за чудесная лошадь! – услышала креолка, спускаясь вместе с братом к главному входу в дом. – Редчайший крапчатый мустанг, истинная драгоценность…

А в следующую минуту она увидела Мориса Джералда, все еще в седле; рядом с ним на коротком лассо вскидывал голову и храпел мустанг, встревоженный большим количеством людей и необычной обстановкой.

Генри Пойндекстер первым дружески приветствовал мустангера. Луиза же обменялась с Морисом лишь легким поклоном; оказать больше внимания торговцу лошадьми, даже если считать, что они знакомы, она не решилась. Однако не смогла утаить восхищения, которое отразилось в ее взгляде, брошенном в сторону молодого человека.

Мустангер и в самом деле был хорош собой, несмотря на запыленную одежду и слегка осунувшееся от долгой скачки благородное лицо. Он совершенно не выглядел утомленным. Ветер прерии покрыл румянцем высокие скулы ирландца; сильная, бронзовая от загара шея, крепкие руки, стройная широкоплечая фигура – здесь не было женских глаз, которые бы не смотрели на него с одобрением. Что касается мужской части общества – все ее внимание было приковано к крапчатому мустангу.

– Без сомнения, – обратился хозяин дома к всаднику, – это именно та лошадь, о которой мне говорил Зеб Стамп!

– Конечно, она. – Охотник уже перехватил из рук Мориса лассо, чтобы помочь молодому человеку. – Рад за вас, мистер Пойндекстер, знатное приобретение…

– Я вам должен двести долларов за эту лошадь, – сказал плантатор, обращаясь к Морису и указывая на мустанга. – Кажется, об этой сумме говорил с вами мистер Стамп?

– Я не присутствовал при обсуждении этой сделки и не возьму денег, – мустангер, слегка усмехнувшись, вежливо приподнял шляпу. – Эта лошадь не продается…

– Вот как? – южанин нахмурился, не скрывая, что уязвлен.

В толпе начали удивленно переглядываться: мустангер отказывался от суммы, десятикратно превосходящей обычную плату за необъезженную дикую лошадь. Однако Морис тотчас пресек пересуды, обратившись к плантатору:

– Мистер Пойндекстер, вы хорошо заплатили мне за других мустангов. Разрешите отблагодарить вас и сделать вам подарок к новоселью… По ирландскому обычаю, когда торгуются не на рыночной площади, а в доме, подарок преподносят не тому, с кем заключают сделку, а жене или дочери хозяина дома – «на счастье». Этот мустанг и станет таким подарком, если мисс Пойндекстер согласится его принять…

– Отец! – Луиза не сдержалась и бросилась к лошади, словно пытаясь обнять ее шею. Затем она быстро повернулась к Морису и быстро проговорила: – Я принимаю ваш подарок, сэр, с сердечной признательностью… Но мне кажется… – девушка впервые взглянула мустангеру прямо в глаза, – что наша пленница еще не укрощена. Она дрожит и сердится… А если мое общество не придется ей по нраву, что я буду делать?

– Верно, Морис, – подал голос комендант форта. – Мисс Луиза права. Мустанг совсем не объезжен, такой подарок юной даме не подходит. Беритесь-ка, дружище, за дело! Леди и джентльмены! – обратился майор к гостям. – На это стоит взглянуть, особенно тем, кто еще не видел подобного зрелища… Покажите нам, мистер Джералд, на что способны наездники прерий. Судя по этой кобылке, задача вам предстоит нелегкая…

Стараясь не выдать волнения, Луиза Пойндекстер отступила назад и замешалась в толпе гостей. Не принять такое предложение мустангер не мог – это был вызов, брошенный его ловкости, мастерству и мужеству наездника. И свое согласие Морис Джералд выразил тем, что ловко спрыгнул с седла своей гнедой и, вручив ее поводья Зебу Стампу, направился к крапчатому мустангу. Он не стал терять времени на приготовления, лишь попросил присутствующих разойтись и освободить пространство двора. Это было выполнено тут же: большая часть гостей, в том числе все женщины, вернулись на асотею.

На спину мустанга Морис Джералд вскочил, держась лишь за кусок волосяной веревки, отрезанной от лассо, которую он набросил петлей на нижнюю челюсть лошади и затянул на голове в виде уздечки. Впервые дикое создание почувствовало на себе человека и, громко заржав от негодования, взвилось на дыбы. Мустанг словно завис в таком положении, но всадник обхватил его стройную шею обеими руками и плотно прильнул к ней, почти слившись с животным. Затем кобыла начала взбрыкивать крупом – прием, к которому всегда прибегают в подобных случаях необъезженные лошади. У мустангера не было ни седла, ни стремян – укрощать оседланную лошадь в прерии считалось трусостью, – и ему оставалось только изо всех сил стискивать коленями бока животного, чтобы не дать себя сбросить. Дважды мустанг то вздымался на дыбы, то принимался бешено вскидывать задом, пока, окончательно разъяренный, не сорвался с места и помчался таким галопом, словно собирался унести всадника на край света.

Однако рано или поздно эта скачка должна была закончиться – силы даже такой выдающейся лошади не безграничны. Кое-кто на асотее, глядя на происходящее, высказал предположение, что молодой охотник за лошадьми не вернется живым или, по крайней мере, будет жестоко изувечен. Один человек тайно желал этого, но Луиза Пойндекстер даже думать боялась о таком трагическом повороте событий.

Сердце креолки бешено забилось, когда Морис-мустангер снова появился на аллее, ведущей к дому, но уже не на диком мустанге, а на укрощенном. Лошадь больше не пыталась сбросить его, а смирилась и покорно признала в нем своего хозяина. Всадник спрыгнул на каменные плиты под гром рукоплесканий. Когда шум стих, Морис Джералд поднял к хозяйке дома спокойное лицо и проговорил:

– Мисс Пойндекстер, могу ли я попросить вас спуститься сюда? Возьмите лассо и отведите вашу лошадь на конюшню.

Чопорная красавица возмутилась бы от такого предложения, кокетка отвергла бы его, а робкая девушка испугалась бы. Но Луиза, правнучка французской эмигрантки, ни минуты не колеблясь, без тени жеманства или страха покинула гостей. Следуя указаниям мустангера, она взяла веревку, сплетенную из конского волоса, набросила ее на шею укрощенного мустанга и отвела в конюшню Каса-дель-Корво.

Когда же она возвращалась, у нее в ушах звучали произнесенные молодым человеком слова: «…Если вы это сделаете, лошадь будет всегда покорна вашей воле, стоит лишь напомнить ей о том, что впервые лишило ее свободы…»

Глава 10

Восходящее солнце осветило небольшой фургон; пара мексиканских мулов нетерпеливо поводила ушами, била копытами и помахивала хвостами, ожидая, чтобы двинуться в путь. Зевак в это раннее время вокруг не было, если не считать мужчины огромного роста в нахлобученной на глаза войлочной шляпе, восседающего на старой кобыле, которая не спешила присоединиться к мулам. Правда, великана с трудом можно было бы назвать зевакой.

Зеб Стамп пристально наблюдал за тем, как в лихорадочной суете от дверей дома коменданта к повозке бегали с поклажей солдаты, повара и офицерские грумы. Франтоватый негр, числившийся лакеем самого майора, важно стоял у порога, а сержант отрывисто подавал команды – ему было поручено нагрузить фургон всевозможными напитками и провизией.

Готовился пикник – своего рода ответный жест признательности южанину за его широкое гостеприимство. И не просто прогулка, а празднество на широкую ногу, о чем можно было судить по количеству припасов, погруженных в фургон. Однако, несмотря на обилие вин и деликатесов, Зеб Стамп разочарованно поморщился.

– Послушай-ка, – обратился он к сержанту, – тут, по-моему, чего-то не хватает. Сдается мне, что в прерии найдутся два-три человека, которым не по нутру всякий там заграничный компот… Нет ли у вас чего покрепче?

– Будет исполнено, сэр! – Сержант шутливо приложил ладонь к виску. – В высшей степени согласен с вашим замечанием, мистер Стамп.

– А остальное все готово?

– Да, скоро отбываем…

Вскоре обоз с провизией, предводительствуемый клячей охотника, уже двигался по широкой равнине, расстилающейся между Леоной и Рио-де-Нуэсес, а спустя короткое время на пустом плацу начали собираться и участники пикника – почти все те, кто побывал на новоселье у Пойндекстеров. Прибыл и сам плантатор с детьми и племянником; Луиза, как и остальные приглашенные, была верхом – она уверенно держалась в седле своего крапчатого мустанга.

В качестве главной забавы пикника предполагалась охота на диких лошадей, которую решили устроить для богатых поселенцев в двадцати милях к югу от форта Индж. Сопровождать охотников отрядили два десятка драгун, в авангарде отряда уже переминалась с ноги на ногу стройная тонконогая гнедая с всадником в живописном мексиканском костюме.

– Пора, Морис! – крикнул майор, убедившись, что все уже в сборе. – Мы готовы следовать за вами… Леди и джентльмены! Этот молодой человек прекрасно знает повадки диких лошадей. Никто в Техасе не сможет лучше показать нам охоту на них, чем Морис-мустангер!

Прозвучала команда «Вперед!» – и пестрая кавалькада тронулась в путь.

Будь ирландец хозяином прерии, а все обитатели ее были бы покорны ему, он не смог бы выбрать более благоприятного места для охоты за мустангами.

Пикник выдался на славу. Едва лишь запенилось в бокалах вино, доставленное из погребков Сан-Антонио, а синева неба стала глубже и зелень еще ярче, внезапный крик «Мустанги!» заглушил гомон голосов и взрывы веселого смеха.

Морис Джералд наскоро осушил свой стакан, вскочил и, подбежав к лошади, крикнул мексиканскому пастуху-вакеро, посланному дозорным на близлежащий холм:

– Кто там показался?

– Табун диких кобыл!

Кассий Колхаун приподнялся:

– О чем это они толкуют?

– В эту пору кобылы держатся вместе, отдельно от жеребцов, – проговорил комендант форта, – если только… если только их не преследуют ослы.

Грянул смех, прерванный возгласами: «В седло!»

Слитный топот копыт становился все громче, и вот дикий табун показался на гребне возвышенности. Морис был уже в седле и в одно мгновение очутился среди мустангов. Однако его попытка набросить лассо на одну из кобылиц оказалась безуспешной. Дико храпя, лошади бешено неслись, испуганно косясь назад и не обращая внимания ни на фургон, ни на всадников.

– Они чуют погоню! Что там такое? – обеспокоенный поведением животных, крикнул мустангер пастуху, которому с холма было видно, кто преследует табун. Услышав ответ, Морис воскликнул:

– Я так и думал… Надо его остановить, иначе он испортит нам всю охоту. Далеко ли этот дикий осел?

– Совсем рядом, дон Морисио, – закричал мексиканец. – Проклятая тварь несется прямо на меня…

– Попробуй набросить на него лассо, а если не выйдет, – стреляй! – Мустангер обернулся к всадникам. – Взгляните на гребень холма!

Там, словно вихрь, неслось животное, обычно слывущее образцом медлительности и глупости. Однако оно сильно отличалось от своего домашнего сородича. Дикий осел был почти такой же величины, как мустанги, за которыми он гнался. В этот момент табун кобылиц с молниеносной быстротой, словно только сейчас заметив группу всадников и забыв о ненавистном преследователе, метнулся в сторону от холма.

– Оставайтесь на месте! – Морис подъехал к участникам пикника. – Мустанги повернули в сторону своего пастбища. Я знаю, где оно находится, чуть позже мы там поохотимся, а пока избавимся от… Сеньор Креспино, – крикнул он пастуху, – пальни-ка в осла!

Однако, несмотря на то что дикое животное находилось на расстоянии выстрела от мексиканца, тот промахнулся и лишь слегка зацепил осла. Осел взревел от негодования и замер, ища налитыми кровью глазами обидчика.

– Надо остановить его, а не то он будет гнаться за кобылами до самой ночи!

Резким движением мустангер дал шпоры коню. Короткая скачка наперерез ослу – и гнедой вынес своего хозяина на расстояние, с которого можно было метнуть лассо. Петля с быстротой молнии просвистела над длинными ушами, животное вскинулось на дыбы, натянув веревку, и тяжело рухнуло на спину. Пастух Креспино подоспел, чтобы добить осла своим острым мачете.

Охота задерживалась, и теперь всадникам оставалось ждать команды Мориса Джералда.

Спрыгнув с седла, он направился к убитому ослу, чтобы снять с его шеи свое лассо, однако почему-то, едва сделав это, со всех ног кинулся к своей лошади. Но не только мустангер успел заметить, как Луиза Пойндекстер, внезапно отделившись от группы всадников, бешеным галопом помчалась вслед за диким кобыльим табуном. Причиной этой скачки, несомненно, был крапчатый мустанг; Морис мгновенно понял, что промчавшийся мимо табун был для него родным, за ним он и устремился.

Поняв, что происходит, вдогонку за девушкой бросились почти все охотники, и первым – Кассий Колхаун. За капитаном поскакали около десятка молодых людей – плантаторов и офицеров. Никто из них особенно не тревожился, зная, что Луиза – прекрасная наездница. Но мустангер думал иначе.

Морис Джералд тронулся с места последним, так как ему понадобилось время, чтобы свернуть лассо. Когда он вскочил в седло, между ним и остальными всадниками было уже около двухсот ярдов. Впереди сломя голову несся Колхаун, но Морис постепенно обогнал всадников и, пришпорив коня, помчался галопом впереди капитана.

По широкому простору прерии с невероятной быстротой неслись дикие лошади; кобыла из этого табуна с девушкой на спине догоняла их, отстав ярдов на четыреста. Ровно на таком же расстоянии от нее на гнедом коне скакал Морис Джералд, а позади него – целая вереница всадников, штатских и военных.

Замыкал погоню мчавшийся в карьер отряд драгун, только теперь отделившийся от группы возбужденной публики, тоже сидящей верхом, но не двигавшейся с места.

Прошло четверть часа, и все изменилось: табун поменял направление, и расстояние между ним и всадницей сократилось настолько, что следовавший за крапчатым мустангом гнедой и остальные лошади изрядно отстали и растянулись. Морис Джералд пришпорил своего коня, и вскоре дикий табун, крапчатый мустанг со своей всадницей, гнедая лошадь и ее всадник остались одни среди бескрайней равнины.

Глава 11

На расстоянии мили погоня продолжалась в таком же порядке.

Дикие кобылы по-прежнему не сбавляли ход, но их испуганное ржание стихло. Крапчатый мустанг все так же безуспешно пытался догнать табун, понемногу успокаиваясь, а гнедого все энергичнее подгонял его седок.

– Быстрее! – возбужденно кричал Морис лошади. – Что с тобой сегодня? Я не должен ее потерять…

Теперь мустангер и Луиза неслись среди перелесков, местами сливавшихся в сплошные заросли. Это снова встревожило молодого человека. Крапчатая кобыла могла в любое мгновение свернуть в чащу или просто исчезнуть из виду среди зарослей. Диких кобыл уже почти не было видно.

– Силы небесные! – подумал ирландец. – Что, если появятся жеребцы? Ведь это их любимое пастбище, и сейчас они особенно опасны!

Неожиданно крапчатая кобыла замедлила шаг и вскоре совсем остановилась – исчезновение табуна произвело на лошадь магическое действие. Морис Джералд галопом вылетел на поляну и тотчас увидел, что кобыла пощипывает траву, а девушка невозмутимо сидит в седле, словно поджидая преследователя.

– Мисс Пойндекстер! – тяжело дыша, воскликнул он, приближаясь. – Как я рад, что лошадь снова подчинилась вам! Я так беспокоился…

– Почему?

– Вам грозила опасность.

– Пустяки! Вы думаете, она могла меня сбросить? Но ведь я неплохая наездница.

– Вы не знаете этих мест, мисс, и могли заблудиться. Хоть я и восхищен вашей отвагой…

– Благодарю вас, сэр, за заботу, – мягко перебила девушка, – но здесь мне ничего не грозит. С индейцами у нас теперь, по словам майора, мир, ну, а на такой быстроногой лошади, как моя Луна, вряд ли меня кто-либо способен догнать.

– Разве… кобыла не понесла?

Всадница слегка смутилась:

– Поначалу так оно и было, но после… Я вскоре почувствовала, что могу управлять ею… ну, почти так, как вы… Стоило только посильнее натянуть поводья. Но должна признаться, мистер Джералд, я очень люблю быструю езду, в особенности там, где нет риска раздавить чью-нибудь курицу или поросенка… Если хотите знать всю правду, – сказала Луиза, – я не испугалась и не жалею о том, что лошадь понесла. Пустая болтовня и бесконечные любезности утомят кого угодно. Мне просто захотелось подышать свежим воздухом и побыть одной.

– Тогда простите меня, что я нарушил ваше уединение. – Морису с трудом удалось скрыть досаду. – Уверяю вас, мисс Пойндекстер, я помчался за вами только потому, что ваше положение показалось мне опасным.

– Я искренне благодарна вам, сэр. Впредь постараюсь быть осторожнее.

Однако Луиза заметила, что мустангер ее уже не слушает: неожиданные звуки из зарослей заставили его обернуться. Поняв, что внимание всадника чем-то отвлечено, она тоже начала прислушиваться – в тишине до них донеслись

глухие удары копыт.

– Дикие жеребцы! – Морис настороженно выпрямился. – Я так и знал, что мустанги бродят в этих зарослях.

– Что ж в них такого страшного? – негромко спросила Луиза.

– Такое время года. Дикие жеребцы свирепеют и бесятся, учуяв кобылиц. А разъяренный дикий мустанг опаснее волка, пумы и медведя, вместе взятых.

– Что же делать? – Девушка в тревоге подъехала поближе к тому, кто однажды уже выручил ее из беды. – А если они заметят мою Луну? Не пора ли нам трогаться отсюда?

– Постоим еще немного, пусть наши лошади переведут дух. Все зависит от того, в каком сейчас настроении мустанги… Боюсь, что в плохом – слышите это бешеное ржание и визг? Жеребцы дерутся и готовы наброситься на все, что движется.

– Мистер Джералд, может, все-таки попытаемся скрыться?

– Это непросто… Впереди – открытая равнина: дикие жеребцы догонят нас прежде, чем мы успеем отъехать на безопасное расстояние. Двигаться придется совсем в другом направлении… Если мы тронемся слишком рано, то столкнемся с табуном. Вот что, мисс Пойндекстер, давайте-ка попытаемся проскользнуть позади жеребцов. Если это удастся и погоня отстанет через пару миль… тогда все будет в порядке. Вы уверены, что справитесь с вашим мустангом?

– Вполне, – быстро и решительно ответила креолка.

Всадники продолжали настороженно сидеть в седлах, не трогаясь с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tomas-mayn-rid/vsadnik-bez-golovy-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити